Доктор Нонна

Суп из топора

Часть сборника
Зойка моя! (сборник)

Житейские истории

Доктор Нонна

Суп из топора

«Эксмо»

2011

Нонна Д.

Суп из топора / Д. Нонна — «Эксмо», 2011 — (Житейские истории)

ISBN 978-5-457-09249-5

Разрыв с мужем дался ей невероятно тяжело. Не спасали даже молодость и неукротимая энергия. Хотелось лечь и умереть. Только здесь, в Америке, она наконец почувствовала себя свободной. Свободной и любимой. Ее Стив был с ней. Да, ему сорок пять, он взрослый, уверенный мужчина, он старше ее на двадцать лет – но это неважно. Главное – они вместе. Ради него Марта отбросила прошлое, разрушила все, что создавала последние пять лет. И она не жалеет. Только рана в душе все никак не закроется, все болит и кровоточит. Она так и будет болеть, пока…

ISBN 978-5-457-09249-5

© Нонна Д., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Святослав 6
Марта 8
«Гарольд в Италии» 10
«Ты прекрасна, возлюбленная моя!» 11
Farewell… 13
Марта. Принцесса с новорожденным 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Доктор Нонна
Суп из топора

Только тот, у кого есть огонь, варит суп из торопа.
М. Шнеерсон

Марте нравились американские небоскребы. Пусть квартира съемная, полупустая, но зато с двадцать седьмого этажа весь мир кажется далеким-далеким. А сейчас к тому же пеструю суету вечернего Манхэттена скрывала пелена дождя. Это успокаивало. Дождевая стена как будто отделила Марту от того, что осталось там, в прошлом. Разрыв с мужем дался ей невероятно тяжело. Не спасали даже молодость и неукротимая энергия. Хотелось лечь и умереть. Только здесь, в Америке, она наконец почувствовала себя свободной. Свободной и любимой. Ее Стив был с ней. Да, ему сорок пять, он взрослый, уверенный мужчина, он старше ее на двадцать лет – но это неважно. Главное – они вместе. Ради него Марта отбросила прошлое, разрушила все, что создавала последние пять лет. И она не жалеет.

Только рана в душе все никак не закроется, все болит и кровоточит. Она так и будет болеть, пока…

Марта прижалась лбом к холодному от дождя стеклу.

– Загрустила? Я же здесь. – Стив обнял ее сзади, слегка уколов жесткой, начинающей седеть бородкой.

Марта постаралась ответить как можно веселее:

– Да вот кормить тебя нечем. – В холодильнике одиноко плесневел кусочек сыра, оставшийся от прежних жильцов, да в буфете скучали несколько чайных пакетиков. – Придется суп из топора варить.

Он вздрогнул, больно сжал ее плечи. Откуда она знает?!

Но тут же взял себя в руки. Она, нежная, яркая – единственная! – конечно, не знает и не может знать, сколько значит для него эта глупая фраза.

– Ничего, я не голоден. То есть голоден, но совсем не так…

Блузка, из глубокого выреза которой так соблазнительно виднелась нежная ложбинка между пышными грудями Марты, полетела в сторону. Молния юбки жалобно скрипнула…

Прикосновения Стива заставляли Марту вздрагивать, погружая в какую-то темную и в то же время огненную глубину. В его руках она чувствовала себя фантастическим музыкальным инструментом, состоящим из множества стонущих от страсти струн. Еще, еще, еще…

Он выматывал ее так, что после любви она мгновенно проваливалась в сон.

Сегодня Марта спала беспокойно. Ей снилась полная веселая женщина, которая держала ее на руках и приговаривала:

– Пойдем, дочка, суп из топора варить.

Но даже во сне Марта точно знала: эта женщина – не мама…

Стив нежно гладил спящую по голове и думал, что эту юную, но уже столько перестрадавшую женщину послала ему сама судьба. Как награду за все испытания, за все беды, за все потери. Теперь у него есть все, чтобы быть счастливым.

Почти все.

Святослав

– Изя, Святослав, ну-ка сядьте как следует! Коленки с сиденья убрать!

Мальчишки покосились на отцовский затылок и более-менее чинно устроились на заднем сиденье потрепанной «пятерки». Только головы их как будто сами собой разворачивались к заднему стеклу, за которым убегала к горизонту серая асфальтовая лента, все дальше и дальше унося их от сверкающих соленых брызг, горячего песка и неправдоподобно яркого неба. Да, смотреть в боковые окна совсем не так интересно. Но с отцом не поспоришь. В свои десять лет Изя и Святослав усвоили это твердо.

Братья были похожи почти как две капли воды. Жаркое солнце Евпатории согнало с Изиного лица голубоватую «сердечную» бледность, и теперь от старшего (пусть всего на пять минут) брата его отличала только худоба.

Но Евпатория отодвигалась дальше и дальше. До дома оставалось всего ничего. Утомленные монотонностью заоконных пейзажей братья приткнулись друг к другу и задремали.

Да и родителей уже клонило в сон. Мать почти умоляла съехать на обочину и немного поспать, но отец был непреклонен: спать дома будем, всего ничего осталось…

…Святослав почти не запомнил районную больницу, куда их доставили после аварии. Они с братом, свернувшиеся на заднем сиденье, практически не пострадали и очень быстро оказались в детском доме маленького провинциального городка Энска.

– Раздевайтесь! – зло сверкнув маленькими глазками, приказала тощая, похожая на крысу медсестра Валентина Павловна. В довершение сходства ее неопределенного цвета волосики были забраны в дохленький хвостик, нервно вздрагивавший при каждом движении.

Изя, из-за болезни уже привыкший бояться врачей, прижался к брату.

– Не бойся. Нас осмотрят, и все, – Святослав старался говорить как можно увереннее, чтобы успокоить младшего, хотя и сам чувствовал, как внутри все дрожит. Ведь, кажется, только что все было замечательно: ласковый Крым, где слабенькому Изе стало заметно лучше, теплый надежный дом, мама, папа… И вдруг весь привычный и уютный мир разлетелся вдребезги…

– Ну кто там еще? – злобно рыкнула медсестра.

Резкие медицинские запахи отступили перед облаком вкусных, почти домашних ароматов. В дверях появилась полная улыбчивая молодая женщина. Взглянув на раздетых мальчиков, она весело воскликнула:

– О! Жидята!

Но это прозвучало не обидно, а совсем по-доброму. Ну да, заметила, что мальчики обрезанные, ну и что? Главное – маленькие, и о них надо заботиться.

– Я тут повариха и нянька, звать меня Олесей. Пошли, я вас искупаю.

Добродушная смешливая хохлушка с первого дня взяла «сиротинок» под свою опеку, став для них почти мамой. Привечала на кухне, подсовывала синенькому от сердечной недостаточности Изе кусочки повкуснее. Хотя изобилием заштатный детдом, конечно, не отличался. Олеся завела на заднем дворе огородик, но сколько она могла вырастить одна? Детдомовское начальство огородик не одобряло, так что помощи ждать не приходилось. Поэтому любимой Олесиной поговоркой было:

– Пойду, детки, варить вам суп из топора.

Всю жизнь потом Святослав-Стив вспоминал добрую Олесю и считал, что ничего вкуснее, чем ее «суп из топора», никогда не пробовал.

Правда, однажды Олесины вкусности едва не довели до беды. Девушка подсунула Изе котлетку и отправила братьев на задний двор, чтобы никто не пристал. Святослав дал бы

отпор любому из детдомовцев, но… прямо на плечи младшего откуда ни возьмись прыгнул огромный рыжий кот. Вырвал котлету и так же мгновенно исчез за сараем, оставив Изю с глубокими царапинами на щеке и разорванной нижней губой. Стерва-медсестра зашивала губу «по живому», но малыш даже не плакал. Только дрожал. Олеся весь вечер отпаивала его теплым молоком с медом. Изя успокоился только к ночи, а шрам остался на всю жизнь.

Но ни Олесина забота, ни вкусности, которыми она подкармливала маленького Изю, не помогали. Мальчик таял на глазах. И детдомовская директриса, женщина, замученная жизнью, но добрая, добилась наконец для сироты направления на операцию в хороший кардиоцентр.

Святослав, хотя и не знал ничего о брате, всегда чувствовал, что тот жив, и верил, что они непременно когда-нибудь встретятся.

Тоску от разлуки смягчал старенький «Беккер», стоявший в актовом зале. Несколько клавиш западали, а педаль и вовсе не работала, но мальчик упорно старался «подружиться» с разбитым инструментом, подбирая на слух каждую мелодию, какую только мог вспомнить. Он начал постигать уже тайны левой, аккомпанирующей руки, когда жизнь вновь переменилась.

В заштатный детдом приехала из Америки Ольга Портнова, «ангел из Лос-Анджелеса». Голос у нее был поистине божественный. И хотя женщины-канторы в синагогах не такая уж редкость, послушать Ольгу в Лос-Анджелес съезжались евреи со всей Америки.

Ольга была красива настоящей библейской красотой: огромные сияющие глаза, четкий рисунок губ, нежный овал лица, подчеркнутый строгой прической. Личная жизнь, тем более замужество всегда были для нее чем-то второстепенным. В ее душе и в жизни безраздельно царила Ее Величество Музыка. Причем Ольге мало было петь самой, она хотела создать при синагоге хор мальчиков и приехала в Россию за талантами. И в первую очередь направилась в Энск, где когда-то, еще до эмиграции, жили ее родители.

Послушав, как играет маленький Святослав, Ольга была потрясена. Самоучка? Невероятно. Даже если мальчик не подойдет для хора, такой потрясающий талант надо увозить из этого ужасного места. Начальство, конечно, изо всех сил разыгрывало перед заокеанской гостьей спектакль «наше счастливое детство», но Ольга видела бедных, неухоженных, да просто грязных детей. Гордое заявление директрисы «Банный день каждую неделю!» чистоплотную Ольгу почти шокировало. Ей было ясно: талантливого мальчика нужно спасать, и срочно. Буквально перевернув небо и землю, уже через две недели она вернулась в Энск с оформленными документами на выезд Святослава в США. Даже имя у него теперь было новое, американское – Стив.

Но мальчик, с первой встречи потрясенный красотой Ольги, а еще больше – тем, что она улыбалась совсем как мама, все же твердо заявил:

– У меня есть брат. Изя. Я без него никуда не поеду!

Ольга исчезла еще на десять дней. Обивала пороги, умоляла – но тщетно. Изю уже усыновили, и закон о тайне усыновления охранял его новую семью. Услышав в двухсотый раз жестокое «сведений не даем», Ольга сдалась. Вернувшись в Энск, она солгала впервые в жизни:

– Твой брат умер.

Но Святослав, неведомым инстинктом почуяв фальшь, сказал себе:

– Ладно, пусть, говорите, что хотите. Изька жив, я точно знаю. Вырасту, вернусь за ним.

Когда самолет уносил его – теперь уже Стива – в новую жизнь, он, глядя в иллюминатор, повторял:

– Я найду его, обязательно найду.

Но сперва предстояло освоиться в этой новой жизни, ведь даже говорить придется учиться заново…

Марта

– Берта, ты хорошо подумала? Посмотри на них! Такие две куколки! Уж сколько я младенцев перевидала, а от этих отойти не могу. Хоть покорми, родная же кровь…

– Сами кормите! Я отказ уже подписала. Все, хватит.

Но худенькая пожилая Людмила Николаевна, главный врач роддома, предприняла еще одну попытку:

– Сколько живу, впервые вижу еврейку-шлюху! Берта! Опомнись! Господь тебя покарает! Ведь сама потом начнешь их искать, подумай! Хоть посмотри на них, чтобы запомнить…

– Очень нужно мне их запоминать! Родила – и хватит. Жалко, аборт не успела сделать…

Людмилу Николаевну сентиментальной не назвал бы никто. Потерявшая на войне мужа и маленького сына, навидавшаяся в своем роддоме всякого, она в свои пятьдесят девять была крепче стали. Но беспомощные близняшки, сироты при живой матери, запали ей в самое сердце. Словно схватились за него своими крошечными ручонками.

Конечно, пожилой одинокой женщине почти невозможно получить разрешение на удочерение. Но энергия хрупкой с виду Людмилы Николаевны могла пробить любую стену. Да и главный врач городского роддома – фигура заметная. Практически каждому Людмила Николаевна могла напомнить: я же тебя этими самыми руками принимала, а у тебя жена никак разродиться не могла, кто ее спас? И упорной женщине никто не мог отказать.

Людмила Николаевна назвала девочек Марта и Берта. Она надеялась, что беспутная мать когда-нибудь опомнится, так пусть хоть по имени (фамилию пришлось дать свою) сможет их разыскать.

Бывшая комната погибшего сына превратилась в уютную детскую. Людмила Николаевна выбрала самые веселые – розовые, с забавными медвежатами – обои, нашла хорошую няню, накупила пеленок, распашонок, бутылочек и погремушек. Каждую свободную минуту женщина проводила с малышами. Все говорили, что она помолодела на двадцать лет…

Но счастья Людмиле Николаевне было отпущено всего три года.

– Зачем вы кладете маму в землю? Разве она цветочек? – спрашивала бойкая и смышленая не по годам Марта. Тихая Берта только прижималась к плачущей няне.

– Ох, сиротинки вы горькие! – причитала та. – Ох, Людмила Николаевна, простите меня, грешную, не выполнила я вашу последнюю просьбу! Ни родную мать их не отыскала, ни приемных не нашла… Заберут вас, сиротинок, в казенный дом…

К счастью, в детдоме девочки пробыли недолго. Марта смутно запомнила полную веселую Олесю, которая носила слабенькую Берту на руках и приговаривала:

– Марточка, не отставай, сейчас суп из топора варить будем!

Всего через полгода Марта уже спрашивала у своей новой мамы Эсфири Марковны:

– А где моя сестричка?

– Она поехала к другой новой маме, – отвечала Фира и старалась побыстрее отвлечь малышку. Ведь дети забывают быстро. А для бездетной жены известного художника маленькая Марта стала подарком небес.

– Абрашенька, это не дитя, это просто чудо! – говорила она мужу. – Смотри, какая красавица! А умница!

Абрам Зальцман искренне радовался счастью жены, но все же не терял здравомыслия:

– А с наследственностью у нее как? Нормальная мать ведь ребенка не бросит… Вдруг пьянь какая-нибудь?

– Да что ты такое говоришь, Абрашенька, я все узнала. Мать у нее не пьяница, не больная, просто легкомысленная. По молодости. Но это ведь не наследуется…

Зальцман зарабатывал немалые деньги, и девочку баловали, как принцессу. Поначалу перед обедом Марта все время спрашивала, будет ли суп из топора. Фира Марковна пугалась и изо всех сил закармливала девочку немыслимыми деликатесами.

Удивительно, но при таком воспитании Марта не превратилась в надутую избалованную куклу. Она росла умненькой, веселой и доброй девочкой. Эсфирь Марковна, правда, чрезмерно беспокоилась о ее здоровье: по поводу и без повода таскала по медицинским светилам, пичкала земляникой, в целительную силу которой верила свято.

Едва удочерив Марту, Зальцманы для сохранения тайны переехали в Киев. А когда ей исполнилось двенадцать – в Москву. Где еще девочка может получить достойное образование?

Сначала Марту отвели в балетную студию, но увы! Седая суровая дама с царственной осанкой и девичьей легкостью движений долго крутила девочку во все стороны, заставляя принимать какие-то ужасно неудобные позы. И в итоге вынесла приговор: ни выворотности, ни особой гибкости, ни пластики – никаких балетных данных, забудьте.

Марта не переживала из-за того, что ее признали гадким утенком. Нескладная, как большинство подростков, по-мальчишески плоская, с несоразмерно длинными руками и ногами, она тем не менее излучала какое-то необъяснимое обаяние. Абрам Моисеевич постоянно рисовал свою приемную дочь, видя в ней больше, чем просто внешность. На его картинах неуклюжий «козленок» выглядел грациозной ланью, схваченные острым взглядом талантливого художника движения становились воплощением пластики и изящества.

Он пытался приохотить к живописи и девочку, но рисовать Марта не любила. Не чувствовала цвет, формы на ее эскизах выглядели плоскими, композиция разваливалась. Девочку не интересовали ни карандаши, ни краски. Ей было попросту скучно над белым листом.

Зато языки Марте давались легко. В английской школе она была одной из лучших, французский выучила на факультативе играючи. Такой же игрой она считала точные науки. Учебник математики прочитывала уже в сентябре, как легкий роман. Из-за этой легкости она заскучала и в институте. Сперва заскучала, а потом, почувствовав, что без усердия науки не осилить, решила, что высшее образование – не для нее. Она и переводами заработает.

Тем более после семнадцати Марта вдруг расцвела. Черты лица заострились, точно умелый ретушер добавил изображению резкости. Рот перестал казаться чересчур большим. Серые глаза приобрели зеленоватый оттенок и мерцали из-под потемневших вдруг ресниц почти загадочно. Густые русые волосы посветлели и стали «платиновыми», оттенив смугловатую кожу. Нет, никто не назвал бы Марту классической красавицей, но в ее лице было нечто большее – неодолимая притягательность. Пропорции фигуры тоже не укладывались в классические каноны. Но что каноны? Пышная грудь в сочетании с тонкой талией и узковатыми бедрами заставляли окружающих мужчин нервно сглатывать. И забыть яркую внешность Марты было невозможно.

Эсфирь Марковна, страшно переживавшая из-за нескладности дочки, теперь гордо показывала знакомым ее фотографии и чуть не каждую неделю покупала для своей «принцессы» обновки. Вокруг Марты заклубились поклонники. Эсфирь Марковна особенно отличала среди них Гену, сына их давних друзей – такой приличный мальчик, и вся семья такая приличная. Марта замуж не рвалась, но и «мамочку» огорчать не хотела, ходила с Геной на свидания, в театры, на выставки. Должна же быть у девушки какая-нибудь романтическая история. Хотя бы и скучноватая…Стив.

«Гарольд в Италии»

В Америке Ольга определила талантливого мальчика в еврейскую школу-интернат. И опять он учился лучше всех. А самыми большими праздниками были для Стива ежедневные уроки музыки, особенно сольфеджио.

Ольга часто навещала своего подопечного. И всегда приезжала не с пустыми руками – ей хотелось побаловать Стива, скрасить его одиночество в чужом мире. И вот однажды мальчик увидел на столе красивый длинный футляр.

– О! Это мне? Настоящая скрипка? – воскликнул он с восторгом. Скрипки, которые предоставлял своим воспитанникам интернат, были, как говорят, «фанерные». Стиву нравилось играть, но звук учебных инструментов был плоским, глуховатым, совсем не таким, как в записях, которые мальчики слушали на уроках музыки. И вот теперь у него будет скрипка, которая сможет петь, как поют скрипки на всех этих замечательных пластинках…

– Нет-нет, – остановила его Ольга и открыла футляр. – Это альт. Вам, наверное, на уроках уже рассказывали обо всех струнных инструментах, да? Скрипка – самый популярный из них. Но у альта, он чуть больше по размеру, тембр глубже и богаче.

Но мальчик казался разочарованным. В мечтах он уже увидел себя на сцене, с послушной скрипкой в руках… как Паганини…

Ольга улыбнулась.

– Скрипка, как и женское сопрано, иногда кажется слишком резкой, даже визгливой. Тебе ведь нравится мой голос?

– Очень!

– А он тоже называется альт. Или контральто. И лучшие мальчиковые голоса – вас ведь уже учат петь? – тоже называются альты. Они красивее дискантов. А скрипка… что скрипка? На них учится играть весь ваш интернат. А ты особенный, у тебя будет альт. Великий Берлиоз написал одну из самых красивых симфоний в мире – «Гарольд в Италии». И главная партия в ней – у альта, а не у какой-нибудь обыкновенной скрипки. Вот послушай!

Ольга играла, и Стиву казалось, что еще немного, и сердце его разорвется от этой невыносимой красоты. Горло перехватило, он даже не заметил, как из глаз покатились слезы…

Поздно вечером, свернувшись клубочком под одеялом, он тихо повторял: «Симфония Берлиоза «Гарольд в Италии» для альта». И это тоже было очень, очень красиво и необычно. Он уже мечтал, как сыграет все, все, что написано для этого сказочного инструмента. Сыграет и Моцарта, и Брамса, и Паганини. Но самое главное – он сыграет для Ольги Берлиоза…

«Ты прекрасна, возлюбленная моя!»

В двадцать лет Стив давал в Лос-Анджелесе свой первый сольный концерт. Ольга сидела в зале, одновременно гордясь и печалясь: вот, мальчик вырос, теперь он совсем самостоятельный. Настоящий мужчина…

Стива долго не отпускали со сцены. Выйдя за кулисы и увидев там Ольгу, он засиял и почему-то смутился, чувствуя, как в нем что-то изменилось.

– Ольга! Я так счастлив…

Она обняла своего выросшего мальчика и вместо привычного поцелуя в висок неожиданно для себя самой поцеловала его в губы. Легко, одним касанием, но Стив как будто вспыхнул. Он ведь был так одинок, а она так ласкова. И так красива…

– Ольга… Ольга… пожалуйста… – он запинался, не в силах вымолвить больше ни слова.

– Поедем, – улыбнулась Ольга, почувствовав все одиночество и тоску своего выросшего мальчика.

Она жила одна, в собственном доме. Оба замужества оказались очень недолгими. Первый брак потряс ее тем, что мужчина, который заваливал ее цветами, восхищался ее голосом и даже толпами поклонников, став мужем, вдруг решил, что эта сказочно красивая, чувственная женщина должна принадлежать только ему. Второй муж тоже безумно ревновал ее к занятиям, выступлениям, карьере. Но Жар-птицу в руках не удержишь…

Черный лимузин летел сквозь сверкающие огни вечернего Лос-Анджелеса. Стив целовал Ольгины руки и, случайно касаясь высокой груди, вздрагивал, как от удара током. Он страстно желал ее и в то же время ужасался собственным желаниям.

В роскошном холле Ольгиного дома их встретил огромный рыжий кот. Он громко урчал и лез к Ольге на руки… А Стив как наяву увидел вновь окровавленного, дрожащего, испуганного братишку…

Чуткая Ольга, заметив, как изменилось настроение гостя, превратилась в просто радушную хозяйку. Выпив по бокалу шампанского за успешное начало музыкальной карьеры Стива, они вежливо распрощались.

Но уже в субботу Стив стоял в синагоге и слушал, как поет любимая. Едва дождавшись окончания, он сунул ей записку с адресом и мгновенно скрылся.

Стив ждал Ольгу до позднего вечера. Его первое собственное – после интерната – жилище было очень скромным: крошечная съемная квартирка, небогато обставленная, но идеально чистая. А главное – это был его собственный угол. Но сейчас любимое убежище давило Стива, как клетка. Он метался от стены к стене, несколько раз вставал под ледяной душ, даже начал разговаривать с драгоценным альтом:

– Ну скажи ей, поторопи ее, ты же обещал, что она придет…

Звонок в дверь полоснул по нервам, как удар бича. Стив, казавшийся Ольге таким юным и стеснительным, буквально втащил ее в квартиру и захлопнул дверь. Ни в поцелуях, ни в руках его не было и намека на робость. Оробела скорее Ольга:

– Мальчик мой…

– Не надо! Я уже не мальчик…

Потом они, тесно прижавшись, лежали на его узкой кровати. Стив нежно гладил возлюбленную, зарывался в рассыпавшиеся волосы и говорил, говорил:

– Ты вселенная, любовь, ты весь мир. Ты спасла меня, ты подарила мне музыку, ты подарила мне саму жизнь. Я должен сделать тебя счастливой. Мы теперь всегда, всегда будем вместе…

Ольга смотрела печально:

– Завтра я улетаю на гастроли…

Она вернулась только через месяц, но следующие полгода стали одним сверкающим счастьем. Стив как будто не замечал, что между сумасшедшими, страстными ночами были еще и дни. Он много занимался, он отыграл несколько концертов, критики восторгались взлетом его мастерства и прочили ему мировую славу… Но для Стива все это было как бы между прочим, главное была – она, Ольга. Чуткая, понимающая, невероятно красивая. Огромные глаза, один взгляд которых погружал в сладкую бездну, водопад темных кудрей, белоснежная кожа, высокая шея, нежные плечи, тонкая девичья талия, полные бедра…

– Ты мой альт, моя музыка, – шептал он ей, вспоминая «Песнь песней» царя Соломона: «Ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе…»

Но Ольга даже в буре страстей ясно видела, что у них нет будущего. Да, их тянет друг к другу, как два полюса магнита, но… ему двадцать, ей сорок, и в глазах общества – тем более музыкального общества – подобный союз ужасен. Обнародовать его – значит поставить крест и на ее, и на его карьере.

Она изо дня в день откладывала решение, все отчетливее понимая: Стив ослеплен любовью и ни за что от нее не откажется. Значит… Однажды она уже спасла этого чудесного мальчика, и сейчас вновь должна его спасти. Теперь уже от самой себя.

Farewell…

Сидя у камина в своем роскошном доме, Ольга слушала завывание ветра за стеклами и нервно крутила в пальцах бокал с розовым шампанским, чувствуя, что и сегодня у нее не хватит духу, чтобы сказать наконец все, что необходимо. Стив, чувствуя ее напряжение, попытался разрядить его немудреной шуткой:

– Почему мы сидим, вместо того чтобы лежать? Зачем впустую тратим драгоценное время, отпущенное на любовь?

Его слова прозвучали для Ольги звоном спущенной тетивы. Она поняла: все, пора. Иначе духу так и не хватит. Ножка хрустального бокала с хрустом переломилась в сжатых пальцах.

– Ты правильно сказал – отпущенное. Все, любовь моя, пришло время прощания.

Стив побелел, не в силах вымолвить ни слова. А она почти спокойно продолжала:

– Я скоро выйду замуж, прости. Молчи, молчи. Это был праздник, а теперь наступают будни. Да, я люблю тебя, я даже не знаю, как смогу без тебя жить… Но я смогу. И ты сможешь. У каждого из нас – своя дорога. Двадцать лет разницы – это пропасть, которую не перешагнуть, не перелететь. – Она до крови прикусила губу. – Спасибо тебе. И – прости меня. – Она налила полный бокал, расплескав половину, залпом выпила. – Прости, я тебя обманула. Твой брат жив.

– Изя? – еле слышно выдохнул Стив.

– Да, он жив, его тогда усыновили. Найди его. И забудь меня. Нет! Нет. Нет, пожалуйста, вспоминай меня иногда. Пожалуйста…

Стив долго не мог отойти от Ольгиного дома, глядя через улицу на розоватые окна и повторяя трагические байроновские строки:

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.[1]

[1] Прощай, и если навсегда – то навсегда прощай!

Марта. Принцесса с новорожденным

– Повезло девчонке – богатая наследница! Да и Фира не жилец, теперь все этой выскочке достанется!

Злой шепоток обжег Марту, но она только сглотнула и чуть крепче сжала кулачок, удерживая нестерпимое желание развернуться и со всего размаху отвесить неизвестному «шептуну» полновесную пощечину. Нет. Не обращай внимания, это чужие люди.

Она не знала и половины тех, кто мрачной толпой стоял на аллее Новодевичьего кладбища. Венки, оркестр, соболезнования от правительства – все как полагается. На похоронах такого ранга собираются самые дальние знакомые, даже вовсе незнакомые. Большинству наплевать и на покойника, и тем более на его близких. Но стоит хоть на миллиметр отступить от траурного протокола – налетят стервятники, разнесут, перескажут, прибавят сотню подробностей. Надо держаться.

Марта, все последние дни занятая отвратительными похоронными хлопотами, еще никак не могла поверить, что они с мамой остались одни. Только что готовились к юбилею – Зальцману исполнялось семьдесят, – выбирали подарки, Марта писала приглашения иностранным коллегам и друзьям художника. И вдруг – резкая смена погоды, перепад давления… и все. Эсфирь Марковна, подкошенная смертью мужа, едва могла ходить и говорить. И, хотя секретариат Союза художников старался помочь, в основном все легло на плечи Марты. Ей даже поплакать было некогда.

Но дома, после поминок, она вдруг не выдержала:

– Мамочка! Ну за что они так! Какое наследство! Как они могут!

Фира прижала ее к себе:

– Ничего, дочка, не обращай внимания. Злые, завистливые люди. Уезжать надо. В Израиль. Выйдешь замуж за Геночку, у них там родня…

– Какое – замуж! – Марта подумала, что рассудок Фиры не выдержал свалившегося на них горя. – Траур…

– Ничего, – остановила ее Фира неожиданно твердо. – Абраша… – Голос ее дрогнул, но она справилась. – Абраша поймет, а там, – она подняла глаза к небу и горько вздохнула, – там как хотят. Ничего. Выйдешь замуж, уедем, вывезем его картины, сколько сможем, у тебя будет будущее, у меня – обеспеченная старость. Еще и внуков понянчу. Здесь у нас ничего не остается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.